

ТАТЬЯНА БЕЛОГОРСКАЯ

Законцованным
полустанок

Сага о любви

ТАТЬЯНА БЕЛОГОРСКАЯ

Заколдованный
ПОЛУСТАНОК

Сага о любви

БОСТОН • 2021 • BOSTON

ТАТЬЯНА БЕЛОГОРСКАЯ. *Заколдованный полустанок*

Редактор: Юлия Грушко

TATYANA BELOGORSKAYA. *Enchanted Whistle-Stop*

Edited by Julia Grushko

Copyright © 2021 by Tatyana Belogorskaya

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1950319565 (pbk)

Library of Congress Control Number: 2021945886

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

 mgraphics.books@gmail.com

 mgraphics-books.com

In collaboration with Bagriy & Company | CHICAGO, IL

 prinbookru@gmail.com

 www.bagriycompany.com

Book Design and Layout by Yulia Tymoshenko © 2021

Cover Design by Larisa Studinskaya © 2021

Cover image © by Dennis Belogorsky

При подготовке издания использован модуль расстановки переносов русского языка **batov's hyphenator™** (www.batov.ru)

Отпечатано в США

Посвящается моей большой семье

*Автор благодарит
за помощь в работе над книгой
Ирину Чайковскую,
Анатолия и Дениса Белогофских*

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	11
---------------------	----

Часть первая

Прочитанная книга

Глава 1. Возвращение домой	17
Глава 2. Петербург. Начало	22
Глава 3. В доме на Литейном	30
Глава 4. Разворот	40
Глава 5. Личная жизнь	47
Глава 6. Под стук колёс	57
Глава 7. Дубовая роща	63
Глава 8. Рискованный вояж	70
Глава 9. В шалаше	77
Глава 10. Шаг вперёд	92
Глава 11. Время разбрасывать камни	103
Глава 12. Солнечный луч	112
Глава 13. Соло, дуэт и хор	121
Глава 14. В тупике	132
Глава 15. В Раздольном	141
Глава 16. Четвёртый университет	150
Глава 17. Смена декораций	179
Глава 18. Просветление	191
Глава 19. Адам и Ева	207
Глава 20. Аккорд	223

Часть вторая
Записки Анастасии Садовской

Глава 1. Исповедь	233
<i>Деревенское начало</i>	234
<i>Второй сигнал</i>	238
<i>Родители</i>	240
<i>В духе времени</i>	260
<i>Бунт.</i>	271
<i>Личная жизнь</i>	278
<i>Катя Криворот.</i>	284
<i>Прозрение.</i>	290
Глава 2. Время собирать камни	
<i>Первый сигнал</i>	296
<i>Старая история</i>	298
<i>Рассуждения</i>	302
<i>Факты</i>	304
<i>Разорванное время</i>	306
<i>Причудливые зигзаги Судьбы.</i>	310
<i>Под занавес</i>	320

ОТ АВТОРА

Своё предисловие я бы назвала объясняющим, ибо оно проливает свет на мотив написания книги под названием «Заколдованный полустанок». Дело в том, что её замысел возник не случайно. Тому предшествовало, на первый взгляд, незначительное обстоятельство.

Много лет назад в компании взрослых людей мне довелось услышать короткий рассказ, удививший необычностью. Речь шла о замужней даме, вскоре после революции отправившейся из Петрограда на юг. До места следования она не добралась, так как на одной из остановок — в заброшенном месте — познакомилась с неким господином. И это неожиданное столкновение развернуло жизнь обоих в ином направлении.

Слушатели обращали внимание на нравственную сторону поведения той особы, тем самым видели в ней чуть ли не женщину лёгкого поведения. Единогласно осудив её за легкомысленный поступок, они считали свою аргументацию неопровержимой. И я присоединилась к их мнению. Обременённая юношеской категоричностью и незнанием жизни (было мне лет семнадцать), поначалу видела в ней предательницу. Мне тоже казалось, что её поступок противоречит морали.

Едва ли в том эпизоде было нечто особенное, а потому не следовало годами хранить его в памяти. Но время шло, а давняя история не только меня не отпускала, но почему-то стала важной. Я мысленно её прокручивала в голове — строила предположения относительно дальнейшей судьбы неизвестных мне людей, волею обстоятельств оказавшихся в необычной обстановке. Меня интересовали их характеры — о чём они думали, какие действия совершали, были ли счастливы... Словом, с интересом всматривалась в психологию фигурантов и их

поступки. В конце концов, захотелось рассказать о том случае, а заодно воскресить время, доставшееся персонажам. И тогда я перешла от размышлений к действию — подключила свою фантазию...

Моя работа лишний раз подтвердила: неотделимая от жизни проза, как и поэзия, способна впитывать множество крупинок и песчинок — сора, обозначенного Анной Ахматовой:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда.

Неслучайно Иосиф Бродский в Нобелевской речи отметил одновременно характерное и для прозы родство с сорняками: «Корни прозы — не более благородны». (Дело в том, что за пустяком иногда стоит нечто важное, способное повлиять на текущие и последующие события.) Поскольку сором наполнена каждая жизнь, я обращаю на него внимание в ходе прослеживания за действиями персонажей.

Произошедшее давным-давно вылилось в растянущуюся во времени семейную историю, постепенно обраставшую деталями житейского, психологического, исторического, географического свойства. Я наблюдала за поступками героев посредством умозрительного выстраивания линий их жизни. В результате появилась книга — плод моего воображения. Взавшись за работу, разумеется, вынуждена была использовать домыслы и предположения. (Беллетрист от документалиста отличается тем, что пребывает в вольном сочинительстве. У вышедших из-под его пера художественных произведений иная задача, основанная на собственных законах и задумках.)

Однако моя книга не только об имевшем место факте — встрече двух людей в необычной обстановке и их дальнейшей судьбе, но и о драматических событиях XX века. В целом же она о понимании друг друга, то есть об умении вслушиваться в сигналы сердца.

Кстати, в тексте отсутствует слово *любовь*, имеющее к героям непосредственное отношение. (Что и говорить, в настоящее

время это часто звучащее сакральное понятие девальвировано, о чём свидетельствует всеу произносимая дежурная фраза: «Я тебя очень люблю». А порой и с усилительным добавлением *очень сильно*.) Хотя рассказанное мной именно о любви, причём разных людей, в разное время и в различных ситуациях, это значимое слово фигурирует лишь в подзаголовке и в заключительной части книги.

Возможно, моя работа с налётом присущих героям сентиментальности и страдания. Но ведь то и другое — изначально русские черты, такая внутренняя программа, особенно касающиеся женщин. Хотим мы того или нет, в подобные тона окрашена жизнь, несмотря на обстоятельства, а потому от них не следует отстраняться. Как бы то ни было, я пыталась избегать слащавой сентиментальности.

В этой истории ряд персонажей и, соответственно, их поступков. Ведь каждый человек — явление сложное, поэтому конкретные действия не всегда объяснимы.

Плохих людей на свете нет —
Есть заблудившиеся души.
Им солнце тоже дарит свет
И музыка ласкает уши.

Не берусь судить об отношении читателей к поведению главных героев и предложенному мной варианту жизнеописания их спутников. Напомню Евангелие от Матфея (7-я глава): «Не судите, да не судимы будете». Обращаю внимание на фразу, произнесённую одним из действующих лиц: «Изобретательная жизнь преподносит неожиданности». Именно так: будущее всегда готовит непредвиденные ситуации, выходит, Судьбу не угадаешь. Этот непреложный факт тонко подмечен Анной Ахматовой: «В прошлом грядущее зреет. В грядущем прошлое тлеет».

Хотя моя работа о прошлом и настоящем, она с ростками непредсказуемого будущего.

Да простят читатели автору его промахи. Как и персонажи книги, он не всегда согласен с самим собой.

Выражаю благодарность спутникам жизни, общение с которыми помогло мне написать эту книгу. Спасибо тем, кто возьмёт её в руки. Буду рада, если кому-то она принесёт частичку доброты.

Татьяна Белогорская

Часть первая

**ПРОЧИТАННАЯ
КНИГА**

Ах, мой милый Августин, Августин...
Всё прошло, все прошло...

Австрийская народная песня

Когда былые дни я вижу сквозь туман,
Мне кажется всегда — то не моё былое,
А лишь прочитанный восторженный роман.

Валерий Брюсов

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Так-так, так-так... Колёса однообразно стучали, демонстрируя равнодушие к происходящему в вагонах. Недопитый чай в подстаканнике, яблоко на столике, печенье в упаковке — знакомый пассажирскому глазу натюрморт купе. За окном со светлой раздвижной шторкой мелькали поля, лесные массивы, домики с лёгким печным дымком.

Надежда сравнивала мирную картину нынешнего 1961 года с обстановкой холодного грязного вагона паровика, набитого разномастным народом, в котором ехала по этому пути сорок один год назад. Тогда, сидя и лёжа на тюках, пассажиры употребляли завёрнутую в тряпочку еду сомнительного качества. И ни у кого из её случайных попутчиков не было уверенности в том, что паровик доберётся до места назначения, а не застрянет в каком-нибудь одиноком углу.

Больше всего Надежда боялась не узнать или, не дай Бог, пропустить *тот* полустанок — тонкий волосок, протянувшийся к будущему. Именно там произошло лучшее в её жизни — встреча с Георгием. Если бы поезд тогда не сделал затянувшуюся остановку, всё сложилось бы по-другому — не было бы радостных и трудных десятилетий с родными лицами и сменяющимися друг друга событиями. Она приучила себя к мысли: их первая встреча в унылом месте не была случайностью. Уже тогда на карте бытия появились линии их общей судьбы. Недаром Георгий называл тот полустанок *заколдованным*. Впоследствии по поводу там случившегося он приводил слова Александра Блока:

Жизнь — без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай...

Именно так с ними и произошло: случай подстерёг их на пути в Крым и указал дорогу...

Ещё в её памяти сохранилась фраза Георгия относительно юных дубов: «Молодняк, посаженный чьими-то добрыми руками, трогать не станем...» И не тронули. Существует ли тот полустанок? А та дубовая роща? Если она сохранилась, то за прошедшие годы дубочки превратились в устремлённые ввысь величественные деревья с широкими стволами и раскидистыми ветвями. Узнает ли она это место? Собственно, ради встречи с ним она возвращалась из Ленинграда домой в Крым именно по такому маршруту.

Дни пребывания в городе на Неве её утомили. Наведение справок, встречи с неведомыми прежде людьми, посещение мест, с которыми были связаны детство и ранняя молодость, требовали эмоциональных затрат. Как ни крути, рождённая в 1900 году, она стояла на пороге седьмого десятка.

Так-так, так-так... Колёса продолжали свою работу. В какой-то момент Надежда перестала воспринимать однообразие звуков. Ощущение реальности исчезло, пейзаж за окном сместился и поплыл в сторону... Сквозь дремотную пелену начали пробиваться лица и голоса.

— Дюша, ты видишь эту дубовую рощу? — спросил Георгий, протянув руку вперёд. — Обрати внимание на высоту деревьев и размах их ветвей. Какими они стали могучими! А ведь *тогда* были совсем крохотными. Дюша, ведь это наши с тобой дубы! И наш полустанок! Паровозу требовалось топливо, мы не стали уничтожать молоденькие деревца, пожалели их. Помнишь?

— Я не вижу никаких дубов. Здесь голое пространство, какое-то заброшенное место, — возразил откуда-то появившийся Адам. — И почему у тебя, Надюша, такое странное имя? Какая Дюша? Так вот, Надя, в этом безлюдном захолустье нам с тобой нечего делать. Пора возвращаться домой, в Петроград. Пойдём скорее отсюда...

Надежда повернулась в сторону Адама, пыталась разглядеть его лицо. Но оно было каким-то чужим. Нет, это не он, а посторонний человек неопределённого возраста. Да и голос у него незнакомый.

— Адам, почему я тебя не узнаю? Ты ли это? Как ты тут оказался? — спросила она, пытаясь соотнести облик незнакомца с тем Адамом, рядом с которым в пору юности провела несколько лет.

— Я пришёл за тобой, — продолжал он, — нам есть о чём поговорить. Мы ведь давно не виделись. Идём же...

— Нет, я не могу. Георгий меня ждёт. Мы с ним должны идти пешком к нашему шалашу — сперва по линии железной дороги, затем по тянущейся в гору тропе. Действительно, мы не виделись более сорока лет. Город на Неве давным-давно называется Ленинградом.

— Причём тут какой-то Георгий? Что за шалаш? А как же я? — продолжал недоумевать Адам. — Стало быть, ты решила меня бросить? Но ты же не могла забыть, что мы с тобой венчались в Спасо-Преображенском соборе в 1919 году. Мы клятву перед Богом давали! Нет, ты меня не оставишь на этом унылом полустанке! Пойдём скорей...

— Я всё помню, Адам. Действительно, тебя бросила, причём именно в этом неприглядном месте. Выходит, предала. Это случилось давно. Я перед тобой очень виновата, поэтому годами просила у тебя прощения. Но я не жалею ни об одном дне, проведённом с Георгием. И покидать его не стану. В 1920 году ты отправил меня одну из Петрограда в Крым. Путешествие оказалось опасным, я могла бы не выжить. Георгий принял участие в моей судьбе. Прощу тебя, не вороши прошлое. В Ленинграде тебя ждёт жена Ева. Она такая старенькая и одинокая. Не медли, возвращайся к ней...

Ева... — Ева... — Ева... Колёса начали сбиваться с ритма. Внезапно раздался щелчок, дверь в купе распахнулась, и на пороге возникла упитанная проводница.

— Подъезжаем к Джанкою. Не забывайте свои вещи, — объявила она.

Яркое южное солнце светило в окно, уже мелькал знакомый пейзаж пригорода.

Находясь во власти только-только оборвавшегося сна, Надежда отстранённо восприняла информацию проводницы. Она

продолжала обдумывать нелепое сновидение. И вновь на ум пришли рифмы Александра Блока — на этот раз другие. Не случайно они с Георгием отдавали дань поэту.

В снах печальных тебя узнаю
И сжимаю руками моими
Чародейную руку твою,
Повторяя далёкое имя.

Хотя эти строки ожили в связи с Адамом, но чародейная рука относилась не к нему, а к Георгию.

Действительно, Надежда часто вспоминала первого мужа, однако он почти никогда ей не снился. Теперь ей припомнились слова кого-то из физиологов: «Сновидения — небывалые комбинации бывалых впечатлений». Выходит, затронувшая её комбинация напоминает о прошлом. Несколько десятилетий она и Георгий находятся в общей упряжке, а во сне образ Адама явился из другой эпохи. И тут она поймала себя на мысли о том, что забыла его лицо, не помнит ни голоса, ни движений, ни произносимых слов. Выходит, Адам растворился в памяти, а значит никогда не явится в прежнем облике.

К сожалению, она с опозданием побывала в Ленинграде с целью выяснить его судьбу. И выяснила, тем самым выполнив свой долг. Теперь на Васильевском острове в коммунальной квартире находится Евгения, переименованная Адамом в Еву, — подслеповатая старушка с пучком волос на затылке, живущая на мизерную пенсию. Отныне Ева-Евгения — её пожизненная забота.

После увиденного во сне и рассуждений на эту тему её сердце работало в тревожном режиме. Сон напомнил: нет двадцатилетней девочки, покинувшей Петроград в 1920 году. Тогда на полустанке родилась другая Надюша, затем превращённая Жорой в *Дюшу*. Он объяснял это тем, что за таким вариантом домашнего имени скрывается *душа*. Именно на оставшемся позади полустанке обозначилось всё лучшее, что было и остаётся в её жизни во главе с человеком, заслонившим Адама.

Тем временем за окном обозначился перрон с надписью «Джанкой» на фасаде старого вокзала, недавно выкрашенного в жёлтый цвет. Поезд остановился под музыкальное сопровождение радио. Муж и дочь спешили к вагону: Георгий с букетом хризантем, Тася с маленьким сыном Юрочкой на руках — их внуком, которого она ещё не видела. Её сердце пришло в норму. При взгляде на близких она ощущала себя счастливой. В эту минуту она подумала о том, что людям свойственно с радостью возвращаться туда, где их ждут. Вот и она дома среди родных людей и стен — всего того, что ей дорого. Это их с Георгием место, им не суждено его покинуть, то есть предстоит находиться в нём до конца дней.

(Она забыла мудрую поговорку с ключевым словом *никогда*. Однако на всякую поговорку есть противоположная.)

Оказавшись на платформе, Надежда решила повременить с отчётом о визите в Ленинград. Сперва надо познакомиться с годовалым внуком, наговориться с Жорой и дочкой-москвичкой, переварить ленинградские впечатления.

Так и произошло. В последующие дни она купалась в счастье общения с членами семьи. Ей казалось, что состоянию приподнятости не будет конца...

(Задолго до эпизода в поезде с Надеждой и её близкими происходил калейдоскоп событий...)

ПЕТЕРБУРГ. НАЧАЛО

Надя помнила себя с трёх лет. Самым ранним её впечатлением было окно, вернее, два окна; одно в виде щели представляло некий довесок к первому. Оба глазницами смотрели в проходной двор-колодец, от чего в комнатушку пробивалась лишь полоска света. К тому же окна никогда не открывались. Был и второй двор — ещё более узкий и тёмный, где находились сараи со штабелями дров, куда сваливали вышедшие из употребления вещи и где дурно пахло. Это сомнительного вида место посещали лишь младший дворник — странного вида парень-заика, барская прислуга и ничейные кошки.

Их с матерью жильё — наподобие дворницкой с низким потолком и чуланом при входе — находилось на первом этаже. В комнатушке было темно и сыро. Неслучайно она именовалась *трубой*. В доходный дом для состоятельных жильцов мать Нади попала ещё до её рождения в качестве няньки. Позднее из милости за небольшую плату ей разрешили пользоваться трубой, соседствующей с дворницкой.

Дворовая жизнь вблизи подвалов, где хозяйничали комары и прочая нежелательная тварь, протекала у Нади на глазах.

Старший дворник Прокофий — он же истопник — по чёрной лестнице, прозванной *кошачьей*, разносил жильцам вязанки поленьев. Летом он носил на голове чёрный картуз и русскую рубаху, а зимой высокие сапоги с калошами и холщовый фартук. Во втором дворе с метлой копошился младший дворник. Поскольку имя этого безобидного заики было давно утрачено, он именовался согласно орудию своего труда — Метлой. Сердобольные кухарки подкармливали его остатками с барского стола, но из-за исходящего от него дурного запаха не пускали на порог кухни.

С наступлением рассвета и до вечера в сумрачных дворах происходило движение. Кухарки выбрасывали мусор. Крепкие мужики, стуча сапогами, вносили и выносили мебель. Мелькали прачки с бельевыми корзинами. Раздавался стук каблучков барышни с третьего этажа. Прислуга барыни со второго выбивала ковры. Студент из мансарды обычно возвращался домой со связкой книг. Ещё были мансардные конторский служащий и учитель прогимназии, но о них Надя почти ничего не знала.

По внешнему виду и образу жизни квартиранты мансард отличались от господ. Обитатели просторных квартир пользовались устланной ковром парадной лестницей. Их детей, с локонами, в изящных туфельках, пелеринках и курточках, сопровождали чопорные гувернантки и бонны. Одетые в меха барыни имели при себе муфты и зонтики, а отцы семейств предпочитали шубы с бобровыми воротниками и трости с набалдашниками. Никто из них не соприкасался с дворовой жизнью.

На фоне кружевного барского потомства Надя ощущала себя нищенкой — наподобие группирующихся на паперти Спасо-Преображенского собора.

Между собой прислуга ругала господ, а при встрече им почти-точно кланялась.

Таким образом, население дома делилось на *фасадных* — с присутствием величественного бородатого швейцара в ливрейской шинели — и *дворовых*, расположенных поодаль.

Окна барских квартир в большинстве своём смотрели на улицу. Лишь однажды, помогая барыне нести покупку, Надя оказалась в парадном подъезде. Она оторопело глядела на камин с мраморной доской, сплошной ковёр на ступеньках лестницы, лепные завитушки на стенах и дату постройки дома, изображённую на пороге при входе. Всё это богатство освещали матовые плафоны. Парадный подъезд напомнил ей дворец из книжки про принцессу. И впрямь, такая красота могла сравниться разве что с двумя мускулистыми каменными фигурами, украшающими фасад дома на Сапёрном переулке.

Отправляясь на дежурство, старший дворник Прокофий выглядел торжественно — надевал белый фартук с бляхой на груди

с надписью «Дворник» и указанием номера дома. При таком снаряжении он располагался на гранитной тумбе у входа в парадный подъезд. Студент из мансарды объяснил происхождение питерских тумб. Оказывается, в давние времена к ним привязывали лошадей. Со временем часть тумбы у подъезда их дома погрузилась в землю. У дворника был свисток, необходимый ему для пресечения беспорядков. В двенадцать часов ночи он водружал на чугунные дворовые ворота увесистый замок. Опоздавшие к этому часу вызывали его по звонку в дворницкую.

Мать Нади — хозяйка неважная — готовить не любила. Да и заработанных ею денег хватало лишь на самое необходимое. Еду они покупали в дешёвых съестных лавках. Некоторые лавочники записывали в долг. В редких случаях мать посылала дочку в кухмистерскую, где обед, состоящий из щей и каши, отпускали на дом. Пределом мечтаний девочки был пушистый ситный хлеб с ливером. Рано утром булочки с корзинами на плечах разносили по домам свежую выпечку, называемую *господской*; её запах возбуждал аппетит. С зажатыми в кулаке тремя копейками Надя пересекала булыжную мостовую на пути к булочнику. Его недорогое заведение на Сапёрном переулке украшали посыпанный мукой огромный калач и надпись: «Калачико — бело личико». Иногда мать покупала молоко, рано утром доставляемое крестьянками из ближайших деревень. Молочниц она называла *чухонками*. Тяжёлые бидоны они носили на плечах, а при входе отмеряли молоко высокими кружками.

Обязанности Нади сводились к указаниям матери сбегать за хлебом или в мелочную лавку и помочь отнести заказ к барыне. Всему прочему она училась самостоятельно.

Целый день она принадлежала самой себе, то есть двору со сверстниками и приبلудными кошками. Привычную атмосферу этого места нарушало появление старьёвщиков, точильщиков, лудильщиков, измазанных сажей трубочистов и прочего трудового народа с выкриками: «*Пяять-лудить! Точим ножи-лезвия...*» Татарам — сборщикам тряпья — прислуга выбрасывала из окон старые половики и бельё. Забрехали и продавцы различных товаров.

Музыкальный ящик шарманщика с тоскливыми звуками «*Маруся отравилась*» — с давних времён уличное развлечение — собирал вокруг себя прислугу и малых ребят. От жалости к несчастной Марусе кухарки утирали слёзы засаленными передниками, а младший дворник Метла — грязным рукавом. После ухода шарманщика он крестился и скулил: «Горюшко...» Один шарманщик приходил с обезьянкой, с шапочкой в руках собиравшей гроши.

Чада домово́й прислуги играли в *классы* — прыгали по нарисованным на земле квадратам. Ещё были прятки с укрытием между дровяным сараем и прачечной, называемой *мыльной*. Там размещались чаны с водой, прачки с утра до вечера стирали в корытах господское бельё, а из двери и окна валил пар.

Двор в доме на улице Жуковского со службами, действующими персонажами, звуками и запахами, буднями и праздниками казался Наде огромным пространством. За его пределами начиналась городская жизнь с перезвоном церковных колоколов, цокотом лошадиных копыт, господами в колясках, извозчичьими пролётками, управляемыми возницами, которых все звали *ваньками*. Мальчишки за грош чистили ваксой и щёткой башмаки прохожих. Время от времени на улице появлялись величественные фигуры усатых конных городовых.

Лучшей подругой Нади была Варя — дочь дворника Прокофия, отмеченная косоглазием, не по возрасту высоким ростом и хлюпающим носом. За эти прегрешения девочка носила прозвища *Каланча* и *Сопливая дылда*. Воспитание дочери сводилось к порке, подзатыльникам и бранью с последующим заточением в дворницкой. С насморком дочери мать боролась посредством окрика: «Варька, выбей нос!» Особенно она гневалась по праздникам и в субботу после бани, когда прикладывалась к бутылке. По этой причине дочка была пугливой и замкнутой. Брань доставалась и Наде, которую за тёмные кудри и глаза-угольки дворникова жена нарекла *черномазым цыганским отродьем*. В противоположность ей, мама Надю не обижала — разве что укоряла за быстро изношенные башмаки и затоптанный пол.

От криков и рукоприкладств визгливой матери напуганная Варя спасалась в комнате Нади. Вытирая слёзы и хлюпая носом, она

жаловалась: «Мамаша опять пугает». Подруги шили наряды тряпичной кукле с пуговичными глазами и рассматривали картинки в подаренных крёстной сказках. Любимого котёнка с экзотическим именем Самурай, придуманного квартировавшим в мансарде студентом, они наряжали в связанный Надей капор, заворачивали в лоскутное одеяльце и зимой катали на обитых плюшем салазках. Подруги поклялись никогда не разлучаться.

(Планировать загода — дурная примета.)

Будни оживлял приезд крёстной. Незамужняя и бездетная, она жила в рязанской деревне, в Питере обычно появлялась на Рождество или Пасху. С собой у неё всегда были гостинцы — материя на блузку для матери, книжки с картинками для Нади и яйца от собственных кур. Кроме того, она покупала крестнице медовые пряники, сушки и леденцы на палочке, а по праздникам водила её на народные гулянья. Девочке особенно нравилась Масленица с каруселями, балаганами и катальными горками. Посещали они и вербные базары — лучшее развлечение для детей, где продавались нарядные игрушки и сладости. Иногда они отправлялись в Таврический сад с ледяными горками и катком, где бегали дети с салазками и мелькали сверкающие коньки. В такие дни крёстная говорила: «Идём людей посмотреть и себя показать». Ярмарочные развлечения мать называла *излишней забавой*. В Пасху Надя и крёстная красили яйца, затем у знакомого булочника выбирали праздничный кулич, после чего отправлялись в Спасо-Преображенский собор святить угощение. И ко всеобщей ходили. Батюшку отца Викентия крёстная уважала. Оказавшись в храме, она прикладывалась к его руке, а он отпускал ей грехи.

Крёстная была рябой со следами оспы на лице — наподобие кухарки с третьего этажа. По этому признаку относилась к числу *Богом отмеченных*. Пару раз она брала Надю в свою рязанскую деревню, казавшуюся девочке земным раем. Там можно было пить козьё молоко, вволю есть щи, настоянные в чугуне в русской печи, лакомиться стручками гороха, на речке с деревенскими ребятами ловить руками мальков.

(Русская печь, рогатые ухваты, закалённые чугуны аукнутся Надежде спустя десятилетия в деревенской глуши.)

Мать называла себя модисткой. Трудилась она в мастерской недалеко от дома на улице Жуковского. Кроме того, шила для заработка, как говорила, *на людей*.

Мастерская вошла в сознание Нади в раннем возрасте. Там с пяти лет она выполняла обязанности прислуги — подносила материю, подметала пол, выносила мусор во двор. За труд хозяйка мастерской разрешала ей брать обрезки ткани. Юркнув под огромный стол, на котором швеи кроили ткань, она сшивала лоскутки, а заодно подсматривала за действиями вокруг и подслушивала разговоры мастериц. Прежде всего усвоила поговорку: «*длинная нитка — ленивая девка*». В результате чему-то научилась — стала придумывать фасоны для куклы-пупса со вмятиной на животе, а затем, посредством лоскутков, обрезков кружев и лент, одевала её в нарядные платья.

Отправляясь к барыне на примерку или с готовым заказом, уложенным в большую коробку, мать брала с собой Надю. Шли они пешком в любую погоду — нипочём были зимняя стужа и мартовская жижка под ногами. В непогоду холод проникал в рукава и за шиворот, зябли руки. На пути им встречались кареты, пролётки и переполненные разнородным людом трамваи. Рассыпаемые трамваями искры Надя принимала за молнию. Встречались им и спешащие к заказчицам модистки с коробками.

Пока мамаша колдовала над платьем, девочка застёгивала на барыне корсет, подавала булавки, тесьму и сантиметр. За труд она иногда получала от хозяйки конфету в глянцевого обёртке под названием *фантик*. Подаренное лакомство — этакое детское счастье — съедалось, драгоценный фантик разглаживался и определялся в потайное место.

Однажды, когда Надя помогала матери обслуживать заказчицу у неё дома, в гостиной ей бросился в глаза невиданный раньше предмет чёрного цвета. Рядом с ним на круглом стульчике сидела хозяйская дочка, ударявшая пальцами по чёрным и белым полоскам. Каждая из них подавала голос в виде

мелодичного звука. Они не походили ни на хриплые звуки песни про отравившуюся Марусю, исполняемую музыкальной шарманкой в их дворе, ни на раздававшиеся из барских квартир звуки граммофона. Надя с удивлением наблюдала за беготнёй пальцев девочки. В тот день она узнала новое слово — *рояль*. Кроме того, предположила, что все барышни из богатых семей умеют играть на рояле.

В другой раз она сопровождала мать к заказчице, квартировавшей в солидном доходном доме на Литейном. Вокруг было особенно оживлённо за счёт множества колясок с покрытым верхом и пролёток, с шумом пронесившихся по мостовой.

Девочка то и дело оглядывалась по сторонам, поэтому еле-еле успевала за матерью. Внезапно она обратила внимание на коляску, из которой выпрыгнул шустрый мальчик лет десяти в матросском костюмчике. Он тотчас бросился в сторону тротуара и начал лавировать между лошадьми в упряжке с каретами и колясками. Одновременно из экипажа спустилась молодая белокурая дама в светлом платье и в шляпе, украшенной лентой и букетиком голубых цветов. Надя заворожённо смотрела на нарядную даму, казавшуюся ей чудом. Ослепительное зрелище! В какой-то момент одна из несущихся лошадей подалась в сторону и заржала, кучер громко выругался, мальчик исчез из виду, а дама с криком ринулась вперёд... Её шляпу не удержали булавки, она перевернулась в воздухе и шлёпнулась на тротуар.

Надя не видела произошедшего с мальчиком на булыжной мостовой, где тотчас собрались зеваки. Но она заметила тучного городского с портупеей и фуражкой с околышем, слышала его свисток. Пока маменька тянула её за руку, она поворачивалась назад — пыталась разглядеть мальчика в матроске и нарядную светловолосую барыню без шляпы.

Ночью девочка спала тревожно: увиденное днём не давало покоя. Её преследовали стук копыт и ржание лошади, мальчик, крик дамы, её искажённое страхом лицо, шляпа с цветами, городской со свистком. Во сне она старалась схватить мальчика за руку, что-то ему кричала, такими действиями пытаюсь оградить от беды, но движения и голос ей не повиновались.

Потом она долго вспоминала тот случай, а злополучное место на Литейном всякий раз напоминало о мальчишке, нарядной барыне и её красивой шляпе.

(Случай на Литейном не отпустит её никогда. Он не только останется при ней как яркое детское впечатление, но и получит неожиданное продолжение.)

Восьмилетнюю дочку мать определила в начальную школу за казённый счёт, по её словам, *за бесплатно*. За гимназию надо было платить, поэтому о ней не было и речи. Туда же дворник Прокофий отправил дочь Варю. В школе учили закону божьему, чтению, чистописанию, арифметике, истории отечества. Девочки и мальчишки — поровну — обучались вместе, сидели они за длинными столами группами. Занятия длились с утра до полудня — с перерывом на еду, приносимую учениками из дома в корзиночках. Шалости не допускались, провинившихся наказывали.

Каждый раз Надя ждала урока чтения — её любимого занятия. Уже на первом году обучения она бегло читала — не пропускала ни одной городской вывески, знала наизусть подаренные крёстной сказки и стихи. В противоположность Варе, учителя отмечали Надину сообразительность и хорошую память, за что в числе успевающих учеников она была награждена похвальной грамотой.

(Впоследствии она назовёт питерские начальные классы своим *первым университетом*.)

Часть вторая

**ЗАПИСКИ
АНАСТАСИИ САДОВСКОЙ**

Но в памяти такая скрыта мощь,
Что возвращает образы и множит.
Шумит, не умолкая, память-дождь,
И память-снег
летит и пасть не может.

Давид Самойлов

ИСПОВЕДЬ

Боюсь, что в моих записках не будет последовательности и чёткости изложения всего того, что хочу вспомнить. Беспорядочность воспоминаний объясняется отсутствием навыков систематического изложения мыслей в текстах. Поэтому написанное, возможно, напоминает лоскутное одеяло. Дело в том, что пишу, как пишется, то есть без отрыва пера. Дневников мне не доводилось вести, правда, иногда раскрывалась в письмах. Я не писатель, а музыкант. Кроме того, для меня возврат в прошлое — дело психологически трудное. Хранимые в памяти эпизоды (прежде всего о родителях и делах семейных) рвутся на волю, но едва ли в полной мере смогу передать их суть. Гораздо проще, например, рассказывать о соседе — пьёт или трезвенник, женат или холост. Оправдывает меня лишь истина, касающаяся нашей семьи и личного пространства. Я старалась не идти по пути многих мемуаристов, то есть избегала подрисовки событий.

Жизнь рано или поздно кончается, но существуют воспоминания, способные растянуться на годы. Чем мы старше, тем чаще они заявляют о себе. Мы не властны над временем, но и оно не властно над нашими раздумьями о пережитом и потребностью вспомнить былое. Хотим мы того или нет, из памяти нельзя вычеркнуть неуютное.

Возможно, мой взгляд в прошлое не в полной мере освещает различающиеся по значимости эпизоды. Но именно они позволяют восстановить картину ушедшего времени. Вообще, когда вспоминаешь близких людей и связанные с ними обстоятельства, главное и второстепенное переплетаются. И тогда мелочи воспринимаются как нечто важное, проливающее свет на суть дела.

Так или иначе, воспоминания дались мне непросто. Писала я для себя, поэтому не была ограничена степенью откровенности.

Но есть поступки, говорящие не в мою пользу. И тем не менее не жалею о проделанной работе.

Начну с раннего возраста.

Деревенское начало

Свою биологическую мать Груню, можно сказать, не знала. В момент её ранней кончины я была слишком мала, а потому не помню ни её лица, ни цвета волос. О ней память сохранила лишь два эпизода. Распаренную после мытья, она вытаскивает меня из печки и дёргает за волосы, а я реву на всю избу. В пору моего детства в деревнях ещё соблюдалась традиция мыться в русской печи. В банный день (обычно в субботу) туда последовательно отправлялись все члены семьи. Ещё помню движения её рук во время дойки нашей коровы Милки. Пожалуй, это всё. Тогда мне шёл третий год.

О кровном отце мне ровным счётом ничего неизвестно. Чем он занимался в деревне? Кем были его родители? Знала лишь его имя с присказкой — *Тимоха-погорелец*, и о гибели на фронте в начале войны. Перед войной их с Груней изба сгорела. Будучи в то время беременной, от испуга она родила меня раньше срока. Всё это я знаю от фельдшера Клавдии Горшковой. Она принимала роды, а во время войны стала близкой подругой Надежды Ивановны Садовской — моей второй, на самом деле, единственной мамы. Таким образом, сложившиеся обстоятельства лишили меня дочерних чувств к Груне и Тимофею; их место заняли Садовские.

Со слов мамы знаю, что моё удочерение происходило в райцентре Рокша, где я была записана на их с отцом фамилию. (Считается, что сослагательное наклонение не существует. И всё же иногда меня посещает мысль: что было бы со мной, если бы Садовские — в лице Надежды Ивановны и Елизаветы Максимовны — не приняли меня в семью в непростых условиях военного времени.)

О своём отце Георгии Константиновиче до поры до времени тоже ничего не знала, а потому его отсутствие в деревне меня

не тревожило. Во время войны почти все деревенские ребята обходились без отцов.

В нашей избе у меня было два любимых места — на печи и под столом. Появление незнакомого человека мне хорошо запомнилось. Когда он вошёл, я валялась на печи. Смотрю, какой-то бородатый дядька улыбается, протягивает руку и говорит: «Давай знакомиться». А я ему в ответ: «Что надо?» В тот раз он подарил мне деревянную свистульку. Я её схватила, а спускаться вниз опасалась — думала, что он отнимет забаву. Потом с этой свистулкой бегала по дворам, показывала её ребятам, тем самым вызывала их зависть. Отлично помню состояние горя, когда по моему недосмотру она утонула в речке Суровке. Я плакала, а папа вырезал новую.

Вскоре я опять полезла в речку, где застряла в камышах. Тогда-то впервые и признала отца. Запутавшись в тине, орала на всю округу с непроизносимой буквой «р»: «Папка! Лоднёнький, тону...» Вслед за этим событием я поинтересовалась: «Ты навсегдашний или вЛеменный?»

Ещё помню совхозный сад, где мы с ним складывали в корзину яблоки сорта *малиновка*. Направляясь туда, папа нёс меня на плечах, а я стучала голыми пятками о его грудь. Такая картина вызывала зависть у деревенских ребят, чьи отцы не вернулись с фронта. Потом мы вместе несли корзину. Он учил меня внимательно рассматривать яблоко. Говорил: «Если закрыть один глаз, а вторым присмотреться, то можно увидеть косточки внутри». Сколько я ни старалась, у меня ничего не получалось. Однако его урок запомнился. И когда в старших классах нас — крымских школьников — отправляли в совхозы на работу, агроном так и разглядывал яблоко. При этом объяснил свойство редких сортов, позволяющее увидеть сердцевину. Видимо, деревенская малиновка представляла такой редкий сорт.

Несколько раз в нашу деревню заходили цыгане. Они пели на своём языке. Конечно, слов песен я не понимала, зато мелодия очень нравилась. И тогда я спросила папу: «Ты умеешь петь?» На мой вопрос он ответил: «Надо попробовать». И мы стали петь дуэтом про колокольчики; этот романс напевала бабушка Лиза.

(Спустя время в период моего музыкального ученичества я узнала о происхождении романса «Колокольчики мои, цветики степные...». Автор слов Алексей Толстой, композитор Пётр Булахов. Позднее не раз слушала его в замечательном исполнении Сергея Лемешева.)

К моменту отъезда из деревни в Крым в 1946 году мне было шесть лет. Переезд я восприняла с напряжением. Каждый день приносил непредсказуемое. И всё потому, что считала Лычково и Рокшу огромным пространством — главным местом на земле. Там всё было знакомое — моё. Первоначально я воспринимала Джанкой в качестве временного пристанища. Тогда впервые увидела не на картинке, а живой городской пейзаж. Находясь в деревне, не догадывалась, что существует мороженое, большие дома, зал в кинотеатре, море с кораблями...

Вначале отношения с морем у меня не складывались. Я называла его рекой — по образу нашей деревенской Суровки, а вздыбленные белые гребни волн принимала за мыльную пену. Кроме того, не могла понять, почему воды так много и почему она солёная. Когда вечером солнце повисало над морем, от страха закрывала глаза — боялась, что оно утонет.

Удивляла и еда, например сладкие петушки на палочке, и базар с неведомыми фруктами, в том числе мандарины, принимаемые за мячики. Красота и вкус всего этого походили на сказку с картинками. Её читала мне бабушка Лиза в деревне. Ещё меня потряс автомат газированной воды — светлой и с сиропом. От каруселей в парке шарахалась, а вот играющий на полукруглой эстраде духовой оркестр восприняла с восторгом. Как только мы с мамой оказывались в парке, я тянула её к площадке с оркестром, где приближалась к музыкантам — видела в них волшебников. А потом пыталась напеть что-то из их репертуара и отбивала ногой такт. Мне хотелось, чтобы музыка не кончалась... Обычно они исполняли популярные вальсы и марши.

Кстати сказать, меня привлекали любые мелодии, звучащие по радио и из патефона. Услышав музыку, тотчас воспроизводила её голосом. Неподалёку от нашегодомишки, прозванного *курятником*, часто сидел на лавочке слепой гармонист. И всякий раз я ждала его появления. Мелодию и слова одной исполняемой

им песни запомнила навсегда: «Вот солдаты идут по степи опалённой...»

Первое время я не отходила от мамы — с ужасом и любопытством глазела по сторонам. Я боялась потеряться, а потому держала её за руку или хваталась за юбку. И ещё сильно тосковала по деревне и нашей корове Милке. Под её мычанье я засыпала и просыпалась, а днём вместе с мамой ходила в стадо на дойку. Между прочим, из-за той коровы я чуть не стала инвалидом. Однажды, когда я размахивала перед её глазами бутылкой с молоком, она меня боднула. След того удара сохранился на плече. Ещё меня тянуло к сверстникам — товарищам по деревенским развлечениям. Мы плескались на речке и шастали по деревне, где распевали песенку про неведомого *милого Августина*. Песенке научила меня бабушка Лиза. Но мы её изменили — пели «Ой, милёнок Огустин...»

В Джанкое длительное время я продолжала немилосердно коверкать русский язык. Из-за этого местные ребята надо мной смеялись. Понадобились родительские и мои усилия для отказа от тамбовского просторечия: *чо надо, пужаться, вона там, сюды, бяжи*. Но зато довольно быстро научилась кататься на велосипеде и плавать. Тому и другому меня обучил папа.

В 1954 году мы с мамой приехали в тамбовскую деревню Лычково поклониться могилам бабушки Лизы, Саши Карпенко, Груни Петровой и навестить тётю Клаву. Тогда мне было четырнадцать лет. В тот наш приезд выяснилось, что у меня сохранились отдельные воспоминания о прошлом, например, запомнился вкус колодезной воды и щей, настоянных в русской печи, запах деревенского хлеба... Узнала я гусей, чинно прогуливающих по улице. К тому времени мои подростские сверстники уже учились в рокшинской средней школе. Я узнала яблоневый сад, но теперь он выглядел сиротливо. Оказалось, что немец-садовник умер пару лет назад.

В первый же день мама отправилась в клуб, как сказала, «в мою библиотеку». Там выяснилось, что собранные ею тома на месте, к ним прибавилось порядочное количество другой литературы. Клубом заведовала девушка — выпускница Культпросветучилища.

Тот короткий приезд в деревню стал поворотным моментом в жизни нашей семьи, изменил её климат не в лучшую сторону.

Начало этому положил разговор с лычковской старушкой. Указав на меня пальцем, она воскликнула: «Девка-то лицом в папашу! Ну впрямь высратая Тимоха-погорелец! Петровы все были белёсыми. К радости своей Надежда Таську-приёмьша подобрала».

Произнесённое свидетельницей прошлого напомнило о моём рождении и удочерении. От неё я впервые узнала о своей родовой фамилии — Петрова. Больше всего укололи слова «*приёмьш*» и «*к радости своей*». Выходит, Садовские подобрали меня в качестве игрушки, то есть для забавы.

До того дня я думать не думала о своём удочерении. У меня были лучшие в мире родители, дом по тем временам с относительным достатком, любимая музыкальная школа. У городских девочек мои наряды, сшитые мамиными руками, вызывали зависть. Выходит, я вся была в шоколаде. Правда, в трудные послевоенные годы сладость шоколада не помню. Но бытовые трудности родители всячески сглаживали. Таким образом, мне не приходило в голову задумываться о неведомых биологических родителях. Но именно вслед за упомянутым *Тимохой*, на которого я похожа, как два коровьих блина, что-то во мне повернулось. Видно, слова той старушки больно задели, потому я их не просто запомнила, а начала постоянно прокручивать в голове. В подростковом возрасте и в ранней юности происходящее с тобой воспринимается очень серьёзно. Поэтому серьёзными оказались раздумья на тему услышанного, переросшие затем в бунт против родителей.

Второй сигнал

Вскоре после возвращения из деревни в Джанкой случилось нечто, подлившее масла в огонь.

Когда мы с мамой делали покупки на рынке, я подслушала разговор двух торговочек. Указав на нас, одна — постарше — сказала другой: «Погляди на женщину с девчонкой. Сама чернявая,

видать, цыганка, а девка белёлая. Из детдома что ли? Или украденная. У цыган воровство на первом месте. Они и детьми не брезгают».

Хотя в тот день на рынке было многолюдно и шумно, мне удалось расслышать произнесённое от начала до конца. Оно меня ошарашило, поэтому и запомнила разговор слово в слово.

Я знала, что маму иногда принимают за цыганку. Однажды так произошло в Лычково, куда забрели цыгане. На фоне темноволосых родителей, действительно, я — белобрысая, курносая, с веснушками на лице — выглядела чужеродным созданием. (Кстати сказать, эти нелепые веснушки доставляли мне немало огорчений, а потому подростковый комплекс *гадко* утёнка долго преследовал.) Но больше всего меня взволновало то, что я, возможно, украденная, а мама — воровка. Конечно, для подобного утверждения не было оснований, но почему-то разговор торговок не давал мне покоя. С этого момента не могла отделаться от мысли о моём странном удочерении, всё чаще задавала себе вопросы относительно произошедшего в годы войны.

Словом, людские пересуды, можно сказать, ничтожные поводы в деревне и в Джанкое не только прочно и надолго поселились в моём сознании, но и обернулись дурными последствиями.

Вообще-то, я росла правильным ребёнком. Но после случая на рынке как-то сразу переменялась: из весёлой открытой пайдевички — этаким славной Красной Шапочки — начала превращаться в угрюмую подозрительную молчунью. (Нынче сомневаюсь в существовании идеальных сказочных детей. С моими сыновьями тоже всякое происходило.) День за днём я всё глубже погружалась в волнующую меня тему удочерения, перестала делиться с родителями своими интересами, мыслями и чувствами, старалась больше времени находиться вне дома.

Так в налаженной жизни нашей семьи возникла первая трещина. Если сперва я проявляла слабый протест, то затем он перерос в открытую войну с растянувшимся на годы разладом с родителями, и, как следствие, радость покинула наш дом. А ведь прежде её было так много! Впрочем, о побудившей меня причине

бунтовать они узнали значительно позднее — уже после моего переезда в Москву.

Возвращаться в то время сложно, но я должна это сделать, так как вина лежит на мне. Ведь я столько наворотила в своей жизни! При этом долго не задумывалась о последствиях своих действий.

Однако прежде хочу вспомнить маму и папу.

Родители

Уже давно нет рядом ни мамы, ни папы, ни Крыма, но я зримо ощущаю следы былого. Временами мне кажется, сейчас войдёт папа и спросит о делах в школе или в музыкалке. Затем появится мама с обычными вопросами о нас с папой. А потом станет отчитываться о проведённом в библиотеке рабочем дне. Так бывало не раз, но сейчас, увы, моё сознание хранит лишь отдельные родительские фразы и интонации. Подобное тяготение к родному дому схоже с рифмами Бориса Пастернака:

Мне хочется домой, в огромность
Квартиры, наводящей грусть.
Войду, сниму пальто, опомнюсь,
Огнями улиц озарюсь.

Правда, наше скромное джанкойское жилище не походило на большую квартиру, да и вблизи отсутствовали яркие уличные огни. Но настрой пастернаковских строк возвращает меня в детство и отрочество, прошедшие в Крыму.

Мои родители были обычными людьми. Их обошли героические поступки, они не стали лидерами какого-либо общественного движения, не владели серьёзными наградами. Оно и понятно: не каждому выпадает стать академиком или прославленным лётчиком. Оба выбрали профессии по призванию. Оказавшись в молодости в провинциальном крымском городе, папа и мама провели в нём большую часть жизни. Они были честны по отношению

друг к другу, ко мне — единственному ребёнку, к окружавшим их людям, к своим занятиям. Супружеская измена не имела к ним отношения. Во всяком случае, так говорила мне мама. Честность и ответственность распространялась на всё, с чем им доводилось соприкасаться. Словом, родители были людьми негромкой судьбы, но цельные по натуре.

Мама рассказывала о доверительных отношениях отца с его матерью, именовавшейся в семье мамой Лизой. «Он обладал сыновним даром преданности», — говорила она. Ещё она признавала за свекровью огромный запас мужества и оптимизма.

В раннем детстве, когда мы жили в деревне, бабушка много занималась со мной — показывала букварь, научила читать *мама* и *папа*, на спичках обучала счёту и напевала «Ах, мой милый Августин, Августин, Августин...» Конечно, в столь нежном возрасте смысл песенки не был мне понятен, но она запомнилась. Более того: с моей подачи деревенская ребячница там и тут её горланила.

Ещё бабушка учила меня сидеть за столом и пользоваться ложкой. Об этом в памяти сохранились придуманные ею забавные рифмы, которые мне очень нравились:

Тася кушает сама,
Рядом с нею кошка.
До чего вкусна еда!
Кошке дам немножко.

В пору раннего детства я плохо выговаривала некоторые буквы. Позднее, когда мы переехали в Крым, папа долго выправлял мою речь, что в конце концов ему удалось. До этого бабушка Лиза менее успешно выполняла функции логопеда. Однажды она решила продемонстрировать маме мои речевые достижения. Наш диалог с ней не помню, привожу его с маминых слов. Он представлял собой откровение четырёхлетнего ребёнка, сделавшего прогноз на ближайшее время.

— Бабуля, ты шибко стаЛая, значит скоЛо умЛешь! И тогда вся деЛевня станет гЛомко Леветь и есть блины с киселём. А мне

достанется самый ог-Л-о-о-мный блин. Ой, как будет вкусно и весело!

— Давай сделаем по-другому. Я ещё немного поживу, и тогда ты сможешь каждый день есть блины и запивать их киселём.

— ХоЛошо. Я согласная.

Впрочем, бабушку Лизу я помню смутно. Единственная её фотография, видимо, сделанная в 20-х годах, сохранилась у доктора Ивана Ивановича — друга нашей семьи. Теперь она находится в семейном архиве Садовских. В значительной степени я узнавала бабушку по рассказам мамы. Вспоминая Елизавету Максимовну, она называла её *редкой женщиной*. Ещё произносила оптимистические выражения свекрови: «Кто духом пал, тот пропал» и «Не надо бояться будущего. Страх притягивает беду».

За долгие годы совместной жизни мама и папа не утратили дар ощущать себя единым целым. Полагаю, что друг от друга они никогда не уставали. Войдя в квартиру, мама первым делом спрашивала: «Папа дома?» Потеряв жену из виду в гостях или в ином присутственном месте, искал её глазами и задавал вопрос: «Где Дюша?» Но в своём отношении к маме он был далёк от роли носителя её шлейфа, а она не воспринимала его в качестве иконы. Мне кажется, такой естественной привязанности нельзя научиться, ибо она даётся свыше. Родители понимали друг друга с полуслова. Объяснить их отношения невозможно. Едва ли они сами о них задумывались. Когда я была маленькой, мне казалось, что так происходит в любой семье. Не встретились бы они на убогом полустанке, возможно, жизнь каждого сложилась бы не в столь радужных тонах. Увы, ни в одном моём браке (все относились к юному возрасту) не было ничего подобного.

Говоря о родителях, я не преувеличиваю: действительно, они являли собой уникальную супружескую пару с общей кровью, то есть их чувства и отношения были замешаны на особом веществе. Именно поэтому взаимную преданность сохраняли долгую совместную жизнь. Выходит, их благословили небеса. Во всяком случае, подобное родство душ мне больше не встречалось. Много ли таких супружеских пар? Думаю, единицы. Но я знаю только одну — моих родителей.

Татьяна Белогорская по профессии библиограф, кандидат педагогических наук. Долгие годы преподавала в Ленинградском институте (университете) культуры. С 1994 г. живёт в США, штат Иллинойс. В числе её публикаций книги, написанные в жанре мемуаров: «Портреты в интерьере времени» (2011 г.), «Автографы» (2013 г.), «Селигер: от рассвета до рассвета» (2014 г.), «Призраки белых ночей» (2016 г.).

Новая книга «Заколдованный полустанок» — первый роман автора. В водовороте исторических событий сурового XX века персонажи подвергаются ударам судьбы. Спустя годы выясняются семейные обстоятельства, которые распутывает следующее поколение. Книга привлекательна по содержанию. В ней нет одностороннего взгляда на события и действия персонажей. Она пронизана добром, любовью, прощением, надеждами.

Происходящее в романе проходит через голову и сердце. На примере разных героев показана жизнь целого поколения. По существу, это воссоздание эпохи и судеб. Сил автору и новых книг!

Татьяна Синцова, Москва

Поздравляю автора с достойной работой! Как и предыдущие её книги, эта читается с неотрывным вниманием. Доступно передан исторический фон XX века, а психологические особенности героев вызывают интерес за счёт их противоречивости. Оправдывает себя и архитектура книги. Дальнейших успехов автору!

*Розина Нежинская, профессор
University of Illinois Urbana-Champaign, USA*

С большим вниманием читал роман Татьяны Белогорской. Я окунулся в атмосферу ушедшего века, по которому нынче скучаю, когда жили описанные в романе люди с их интеллигентностью. Это поколение пережило две революции, три войны, сталинские лагеря, нацистское гетто, но сохранило человечность и нравственную культуру. Поздравляю автора с достойной работой!

Михаил Фридман, к.т.н., Латвия

Спасибо автору за роман! Можно без преувеличения сказать, что это книга Жизни. Сколько она вместила правды, мудрости, ответов на извечные вопросы!

Анжела Хачатурян, Ст.-Петербург

ISBN 978-1-950319-56-5

9 781950 319565

www.mgraphics-books.com
mgraphics.books@gmail.com